

Реституция как способ защиты частных прав. Обеспечение взаимности двусторонней реституции

Р. М. Аллалыев

кандидат юридических наук, доцент кафедры

гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Allalyevu.rm@rea.ru

Т. Н. Бурибаев

студент 3-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: timbur99@gmail.com

Restitution as Method of Protecting Private Rights. Assurance of Reciprocity of Bilateral Restitution

R. M. Allalyev

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Allalyevu.rm@rea.ru

T. N. Buribaev

3th Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: timbur99@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются сложившиеся подходы к пониманию правовой природы одного из общих последствий недействительности сделки – реституции. В результате проведенного анализа различных точек зрения на вопрос о подлинной сущности института реституции, был выявлен наиболее предпочтительный, по мнению авторов, подход к пониманию такого исследуемого механизма, как особый способ защиты частных интересов. Авторы уделяют внимание исследованию обязательственного характера реституции, а также ее самостоятельности в системе способов защиты гражданских прав. Рассматривается проблема соотношения реституционного, виндикационного и кондикционного требований. На основе анализа судебной практики приводятся аргументы в пользу возможности применения по аналогии закона правил, установленных статьей 328 ГК РФ.

Ключевые слова: реституционные обязательства, виндикация, неосновательное обогащение, последствия недействительности сделок, способ защиты права, синаллагма, двусторонняя реституция, обеспечение исполнения реституции, обязательства, добросовестный приобретатель, конфискация.

Abstract

The article investigates prevailing approaches to understanding the legal nature of one of the general consequences of transaction invalidity - restitution. Following the analysis of various viewpoints on the question of the true nature of restitution, the authors found the most preferable approach to understanding the examined mechanism as a special way of protecting private interests. Particular attention was paid to the study of the binding nature of restitution, as well as its independence in the system of civil rights protection methods. The authors consider the problem of the correlation between restitution, vindicatory and condictional requirements. Based on the analysis of judicial practice, arguments are presented in support of the possibility to apply the rules established by article 328 of the Civil Code of the Russian Federation, by analogy of statute.

Keywords: restititional obligation, vindication, unjust enrichment, consequences of invalidity of transactions, methods of protection of rights, synallagma, bilateral restitution, enforcement of restitution, obligation, bona fide purchaser, confiscation.

В современном гражданском праве Российской Федерации такой институт по защите публичных и частных интересов, именуемый как реституция, несколько отличается от реституции в ее классическом понимании. Рассматриваемый механизм берет свои истоки в римском праве. Институт реституции в Древнем Риме в большей степени носил публично-правовой характер, являясь средством защиты прав ограниченного круга лиц. В том случае, если применение общих норм права представлялось невозможным или последствия их применения претор¹ считал несправедливыми, тогда и применялась *restitution in integrum* – возврат в первоначальное положение. Так как реституция выступала крайней мерой защиты прав и интересов, то и основания ее применения были весьма ограничены, и выражались в следующем:

1) несовершеннолетие одной из сторон (дееспособными считались лица 14 и 12 лет (для юношей и девушек соответственно), а в последние годы республики – лица, не достигшие 25 лет, также могли просить о назначении реституции);

2) совершение сделки под угрозой (понууждение лица к заключению договора с применением психического давления или физического насилия над личностью);

3) временное отсутствие одной из сторон (например, лицо находилось в плену или под арестом).

Помимо удовлетворения одного из вышеперечисленных оснований, также требовалось соблюдение таких условий, как причинение ущерба и своевременность прошения о реституции. Так, по классическому праву просьба о реституции считалась своевременной, если она была предъявлена в течение одного года со дня обнаружения вреда.

Несмотря на достаточно глубокую степень исследования рассматриваемой темы в отечественной доктрине, на сегодняшний день вопрос определения правовой природы и сущности такого механизма защиты прав, как реституция носит полемический характер.

Важно отметить, что исследуемый механизм широко используется как общее последствие недействительности сделок, за исключением случаев, предусмотренных законом (например, пункт 4 статьи 167 и статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), однако самой дефиниции «реституция» на данный момент гражданское законодательство не содержит. Законодатель также не использует и понятие «реституционные обязательства». Тем не менее пункт 2 статьи 167 ГК РФ описывает данный механизм, как обязанность каждой из сторон недействительной сделки возратить все полученное по такой сделке другой стороне, а в том случае если сторона сделки не может возратить полученное в натуре, то возместить его стоимость. Таким образом, законодатель недвусмысленно указывает на обязательственный характер реституции.

Интересно, что понимание правовой природы реституции в нынешней цивилистической доктрине незначительно отличается от ее понимания в советский период. Это во многом объясняет и то, что легальное определение механизма реституции (п. 2 ст. 167 ГК РФ) практически не отличается от ранее существовавшего его определения (ч. 2 ст. 48 Гражданского Кодекса РСФСР 1964 г. (далее – ГК РСФСР). В период формирования подходов к толкованию реституции в советской цивилистической науке, сложилось мнение, согласно которому реституция являлась специальным инструментом борьбы с такими пережитками капитализма, как недействительные сделки [13. – С. 22]. Реституция носила исключительно публично-правовой характер и применялась с целью защиты интересов государства. Также на публично-правовой характер исследуемого института социалистического периода указывают положения статьи 49 ГК РСФСР, согласно которой, если сделка совершена с целью противной интересам социалистического государства и общества, то при наличии умысла обеих сторон все полученное по сделке взыскивается в доход государства. Законодатель, а также правоприменитель, советского периода данный механизм рассматривали как меру, направленную на охрану

¹ Должностное лицо, осуществлявшее высшую судебную власть и охрану внутреннего порядка и права.

правопорядка, а не как средство защиты частных правовых интересов. Такой подход к пониманию реституции отразился на деятельности судов, которые в свою очередь должны были применять реституцию как последствие признания сделок недействительными независимо от воли сторон (по собственной инициативе).

На сегодняшний день некоторые ученые в реституции видят исключительно публично-правовой механизм защиты гражданского оборота, в то время как другие определяют ее как специфическую меру защиты гражданских прав и интересов, а также правопорядка в целом.

Говоря о сторонниках публично-правовой концепции реституции как меры государственного реагирования и инструмента обеспечения правопорядка, нельзя не отметить труды К. И. Скловского, который отмечает, что «поскольку поводом для аннулирования сделки является нарушение закона», то целесообразно говорить о наличии публично-правовых черт у нормы статьи 167 ГК РФ [11. – С. 113].

Иную позицию занимает Д. О. Тузов, который в своих работах критикует гражданское законодательство России в части преемственности советского законодательства, в частности, критике подвергаются положения статей 169, 179 ГК РФ, которые устанавливают особые последствия недействительности сделок – конфискацию в доход государства всего полученного сторонами сделки. В своих работах автор обосновывает необходимость изменения данных статей, а именно исключение возможности конфискации имущества, полученного сторонами по недействительной сделке. Ученый отмечает, что в условиях совершенствования гражданского законодательства и «возрождения частного права» институт реституции также требуется реформировать, так как на сегодняшний день такое его «примитивное» понимание «смотрится инородным телом, рудиментом в системе обновленных гражданско-правовых институтов» [13. – С. 22]. Д. О. Тузов указывает на важность исследования и осознания подлинных функций и «действительной правовой природы» реституции, ибо только такой подход может быть плодотворным в становлении данного института как «эффективного средства защиты гражданских

прав и охраняемых законом интересов участников оборота» [13. – С. 22]. Несмотря на то что данные высказывания были сделаны почти двадцать лет назад, позиция данного ученого остается актуальной и по сей день. На данном этапе следует отметить, что Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ¹ были внесены изменения в ГК РФ, которые также коснулись статьи 179 ГК РФ. В актуальной редакции законодатель не предусматривает обращение в доход государства всего полученного по недействительной сделке, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств.

Мы не можем доподлинно быть уверенными в том, чего именно добивался законодатель, вводя такие нормы регулирования института реституции, как возможность суда применять последствия недействительности сделки по собственной воле (п. 4 ст. 166 ГК РФ), обращать полученное по сделке в доход государства (ст. 169 ГК РФ), а также иные положения о реституции, явно противные основам гражданского права. Ставил ли он основной целью сохранение публичного характера реституции, или это были вынужденные меры, вводимые в ткань законодательства в силу его неразвитости? Вполне возможно, что данные положения остались в ГК РФ 1994 г. по инерции и являются своеобразным наследием гражданского права советского периода. Другой возможной причиной можно было бы назвать процессы, связанные с изменением экономической системы нашего государства в 1990-х гг., когда началась приватизация государственного имущества. Вероятно, законодатель, придавая реституции такой исключительный характер, намеревался создать эффективный инструмент борьбы с незаконными сделками приватизации, тогда как использование иных, более классических способов защиты гражданских прав, представлялось невозможным или попросту иррациональным.

Тем не менее стоит учитывать, что обращение в доход государства полученного по антисоциальной сделке (читайте конфискация), не является гражданско-правовой санкцией, так как в данном случае государство выступает в роли властного субъекта публичного правоотношения, а не

¹ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2016 г.).

потерпевшей стороной и уж тем более не виндикатом. В этой части авторы данной статьи полностью согласны с Д. О. Тузовым и считают важным исключение из статьи 169 ГК РФ возможности конфискации переданного по сделке имущества как санкции, создающей внутренние противоречия закона.

Интересно, что институт конфискации полученного по недействительной сделке, не известен большинству зарубежных правовых порядков. Так, статья 138 Германского гражданского уложения закрепляет правило, согласно которому сделки, противные добрым нравам (*guten Sitten verstößt*), ничтожны (аналогично ст. 169 ГК РФ). Однако гражданскому праву Германии не известна конфискации в качестве последствия признания сделки недействительной [15].

Проанализировав различные точки зрения, очевидно, что тот публично-правовой характер, который приобрел институт реституции в советской правоприменительной практике, находит свое отражение в рассматриваемом механизме уже в современном гражданском праве России. Действительно, понимание реституции как специального инструмента защиты гражданского оборота, т. е. принятие ее публично-правового характера, могло бы помочь предотвратить случаи злоупотребления правом. В этой части авторы данной работы не могут не согласиться с мнением К. И. Скловского, который утверждает, что «отрицание публичных черт» в статье 166 ГК РФ, понимание данной нормы как «способа защиты частного права, права собственности, будет вести к росту числа злоупотреблений, и к неустойчивости оборота». Ученый обращает наше внимание на то, что сложившийся механизм применения реституции является в первую очередь средством защиты оборота. «Защита оборота – это общий, публичный, а не частный интерес» [12. – С. 113].

Тем не менее мы просто не можем отрицать ни истоки, или первичную сущность, которая была вложена в данный институт римскими юристами, ни правоприменительную практику зарубежных стран, где в целях истребования полученного по недействительной сделке используют классические гражданско-правовые институты (кондикция, виндикация).

В зарубежных правовых порядках наблюдается несколько иной подход к определению реституции. Так, Кристофер Осаке, отмечает, что «сам термин «реституция» в англо-американском праве понимается двояко; и как «обязательство» (*obligation*), и как общая «мера ответственности» за нарушение

обязательства (*remedy*)» [8. – С. 77]. Целью реституционной ответственности является превенция неосновательного обогащения одной из сторон.

В большинстве своем в научных работах по данной тематике ученые отмечают, что в странах общего права понятие «реституция» соотносится с «неосновательным обогащением», т. е. эти понятия являются сосуществующими. Реституционное обязательство в англо-американском праве носит название *unjust enrichment* (неосновательное обогащение). В своей работе К. Осаке формулирует главное доктринальное правило реституции: «Лицо, которое неосновательно обогатилось за счет другого лица, обязано по реституции перед другим лицом» [8. – С. 82]. Справедливость выступает моральным основанием реституции, а законным основанием являются правомерные и неправомерные действия, случайное стечение обстоятельств (природные явления). Признание ответчика обогатившимся происходит на основе доказательства, что он был осведомлен и принял решение о присвоении данного обогащения. При этом должно быть установлено, что он является непосредственным приобретателем.

Как отмечает К. Осаке, «сам факт, что приобретенное обогащение признано неосновательным не порождает автоматически право потерпевшего на реституцию» [8. – С. 83].

В итальянской правовой системе требования о реституции основаны «на нормах о возврате неосновательного обогащения» [3. – С. 80].

Так, по мнению А. Г. Карапетова, в случае расторжения договора, выполняемого по частям (ст. 1458 Гражданского кодекса Италии), «реституция возможна только как инструмент исправления неэквивалентности, вызванной тем, что к моменту расторжения одна из сторон получила нечто, за что не осуществила встречное исполнение» [3. – С. 80; 17].

В праве Нидерландов в случае частичного расторжения договора предусмотрена процедура реституции в размере соответствующей неисполненной части договора; она возможна как в натуре, так и в денежном эквиваленте. Гражданское законодательство Нидерландов «устанавливает обязанность реституции сторонами всего того, что было им получено друг от друга» до расторжения договора (ст. 6:271 Гражданского кодекса Нидерландов) [3. – С. 84]. Реституционное требование может исходить как от должника, так и от кредитора [16].

В силу того, что такой способ защиты гражданских прав, как применение последствий признания сделок недействительными имеет восстановительный характер, равно как и требования из виндикации и кондикции, вопрос о соотношении данных институтов является весьма актуальным. По мнению К. И. Скловского, идея конкуренции норм о виндикации и реституции «возможна лишь в том случае, если мы признаем их однородность» [11. – С. 108]. Как известно, виндикация относится к вещно-правовым средствам защиты права, напротив же реституцию в соответствии с правовой природой данного института принято относить к обязательственным, поскольку реституционное требование не следует за предметом сделки, а вытекает из обязательства по передаче имущества по недействительной сделке. Схожая позиция отражена и в судебной практике¹. Ввиду того, что виндикационный иск предъявляется в целях защиты права собственности (является вещно-правовым), истец должен доказать свое право собственности на имущество.

Являясь общим последствием недействительности сделок, реституция главной своей целью имеет восстановление сторон сделки в прежнее положение, возвращение имущества, переданного во исполнение сделки, а также «охрану имущественного оборота, законности и правопорядка в целом» [10. – С. 343], в то время как задачей виндикации является восстановление нарушенного права, прекращение незаконного владения имуществом. Разница данных институтов прослеживается в их правовой природе. Так, виндикационные правоотношения могут возникнуть между собственником имущества и любым незаконным владельцем, т. е. являются абсолютными, в то время как реституционные правоотношения возникают между сторонами недействительной сделки, иными словами, такие правоотношения являются относительными, так как могут возникнуть между сторонами сделки или их правопреемниками.

Вопрос о конкуренции рассматриваемых исков действительно являлся одним из ключевых, когда самостоятельность реституции как самостоятельного механизма защиты прав была не так очевидна. Разрешение данной проблемы имело не

столько теоретическую значимость для конструирования всей доктрины гражданского права, сколько чисто прикладной характер, когда возможность применения одного из конкурирующих исков умаляла значимость такого субъекта оборота, как добросовестный приобретатель. При этом, предъявляя иск о применении последствий недействительности сделки к добросовестному приобретателю, на истца не ложилось бремя доказывания факта наличия у него права собственности на истребуемое имущество. Высшие судебные инстанции уже давали официальные разъяснения по данной проблеме. Определенную ясность внесло Постановление Пленума Верховного Арбитражного суда Российской Федерации от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Высший Арбитражный суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) подтвердил в нем право собственника, чье имущество было продано лицом неуправомоченным его отчуждать, истребовать соответствующее имущество из незаконного владения лица, приобретшего это имущество. Также установлено правило, согласно которому такому истцу должно быть отказано в удовлетворении иска о признании такой сделки недействительной и применении последствий недействительности сделки, если будет установлено, что покупатель имущества отвечает требованиям, предъявляемым к добросовестному приобретателю (ст. 302 ГК РФ). Так, высшая судебная инстанция подчеркнула взаимосвязь статей 167 и 302 ГК РФ, защитив тем самым интересы добросовестного приобретателя.

Вместе с тем это решение вызвало еще одну волну дискуссий. И. В. Матвеев, критикуя данное постановление, указывает на появление новой проблемы – несправедливость в отношении собственника вещи, пострадавшего от недействительной сделки [7. – С. 36]. Действительно, подход ВАС РФ предполагает ограничение истца в праве свободного выбора способа защиты нарушенных прав, что нарушает конституционные права лица. ВАС РФ использовал не самую удачную формулировку, толкуя которую, суды начали отказывать в удовлетворении исков собственников имущества

¹ См.: пункты 1, 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из

чужого незаконного владения» // Вестник Верховного суда Российской Федерации. – 2009. – № 1.

об истребовании вещи у добросовестного приобретателя лишь потому, что истцы предъявляли реституционные требования, а не виндикационные.

В последующем данная проблема была рассмотрена Конституционным судом Российской Федерации (далее – КС РФ)¹. Судом было установлено, что статьи 167 и 302 ГК РФ истолковываются и применяются судами общей юрисдикции неоднозначно, что приводит к коллизии конституционных прав, реализуемых на их основе собственником и добросовестным приобретателем. КС РФ практически продублировал идеи Пленума ВАС РФ о взаимосвязи статей 167 и 302 ГК РФ. В обоснование своего толкования КС РФ устанавливает, что неправильное понимание положений пунктов 1 и 2 статьи 167 ГК РФ означало бы, что собственник может потребовать признать все сделки, совершенные с его имуществом, недействительными, и в последующем возвратить полученное не только, когда речь идет об одной (первой) сделке, совершенной с нарушением закона, но и когда спорное имущество было приобретено добросовестным приобретателем на основании последующих (второй, третьей, четвертой и т. д.) сделок, что привело бы к нарушению гарантий защиты прав и законных интересов добросовестного приобретателя. Как видим, КС РФ не говорит об однородности реституционных и виндикационных требований, напротив, он разграничивает данные способы защиты прав.

Важно заметить, что на сегодняшний день упомянутый ранее Пленум ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 утратил силу в связи с принятием совместного Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», которое также основывается на выводах, сделанных КС РФ². Пункт 35 рассматриваемого постановления закрепляет следующее: «Если имущество приобретено у лица, которое не

имело права его отчуждать, собственник вправе обратиться с иском об истребовании имущества из незаконного владения приобретателя (ст. 301, 302 ГК РФ). Когда в такой ситуации предъявлен иск о признании недействительными сделок по отчуждению имущества, суду при рассмотрении дела следует иметь в виду правила, установленные статьями 301, 302 ГК РФ». Согласно рассмотренному пункту, собственник имущества никак не ограничен в выборе способа защиты нарушенных прав, и в обоих случаях (предъявление реституционных или виндикационных требований) в иске отказано быть не может. Однако если собственник все же решит предъявить иск о признании сделок недействительными и при этом будет установлено, что ответчик отвечает требованиям добросовестного приобретателя, суды при рассмотрении такого дела должны учитывать правила статей 301 и 302 ГК РФ.

Таким образом, судебная практика достаточно давно сформировала представление о самостоятельности реституции. И если соотношение виндикационных требований и требований о возврате исполненного по недействительной сделке в современном гражданском законодательстве в достаточной степени определено, то взаимосвязь требований о возврате неосновательного обогащения и требований о применении реституции является предметом споров и по сей день. В первую очередь это обусловлено состоятельностью соответствующих исков. В то время как в практике уже закрепились тенденции в отказе удовлетворения виндикационных исков при истребовании переданного имущества во исполнение недействительной сделки, вопрос о конкуренции исков из неосновательного обогащения и применения последствий недействительности сделок реально имеет место³.

Так, неосновательное получение какой-либо имущественной выгоды в результате исполнения

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 6.

² Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике

при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. – 2010. – № 109.

³ См.: п. 6 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // Вестник Верховного суда Российской Федерации. – 2009. – № 1.

недействительной сделки не исключает возможность квалифицировать полученное по такой сделке как неосновательное обогащение.

Ф. С. Хейфец утверждает следующее: «правовым основанием изъятия имущества при признании сделки недействительной, независимо от юридической характеристики переданного имущества (индивидуально-определенные вещи или вещи, определенные родовыми признаками), является неосновательное приобретение или сбережение имущества» [14. – С. 116]. Интересно, что данный тезис также применим и к той ситуации, когда собственник вещи отчуждает ее в пользу своего контрагента и взамен получает определенную сумму денег, а в последующем такая сделка признается недействительной. И хотя на первый взгляд в такой ситуации никакого неосновательного обогащения нет (ведь собственник получил денежный эквивалент переданной вещи), стоит обратить внимание на несколько ключевых моментов. В силу того, что недействительная сделка не влечет за собой никаких юридических последствий, кроме тех, которые связаны с ее недействительностью, право на данную вещь так и не переходит к другой стороне сделки, т. е. собственник вещи сохраняет за собой право собственности на отчуждаемое имущество, более того такой продавец неосновательно обогащается вследствие передачи ему оплаты за объект недействительной сделки. На этом примере видно, как требование из неосновательного обогащения вполне может конкурировать с реституционным, где последнее выигрывает.

Вместе с тем нетрудно представить следующую ситуацию: неуполномоченное на то лицо продает автомобиль, принадлежащий собственнику А, приобретателю Б. Данная сделка в последующем признается судом недействительной (ст. 168 ГК РФ). К тому моменту, когда суд назначает применение последствий недействительности сделки, приобретатель Б продает данную машину С. При этом А сохраняет за собой право собственности на машину и может истребовать свое имущество из чужого владения. Таким образом, применение реституции в данной конкретной ситуации невозможно в силу того, что между А и Б произойдет зачет денежных требований (Б вернет А цену автомобиля, А передаст Б полученные средства после продажи Б автомобиля), при этом

А может истребовать от С свою машину. Достижение справедливости и возвращение всех лиц данной ситуации в первоначальное состояние возможно следующим образом: после того, как А истребует (будь то виндикация или признание права) машину от С, С должен истребовать у Б уплаченную сумму, т. е. неосновательное обогащение (реституция неприменима по описанным ранее причинам), Б в свою очередь истребует сумму неосновательного обогащения у А, который к этому моменту вдвойне «обогатился» (машина истребованная от С и оплата машины от Б по первой сделке).

Аналогичная ситуация описана в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 16 сентября 2014 г. № 310-ЭС14-79¹. Коллегия по экономическим спорам, исследовав материалы дела, справедливо приходит к выводу о том, что предъявление кондикционного иска как эффективного способа защиты нарушенного права в целях возвращения неосновательно полученного иным лицом в некоторых случаях может превалировать над иском, содержащим реституционные требования. Данную позицию высшей судебной инстанции можно перефразировать следующим образом: когда обязательства по возврату переданного во исполнение договора по внешним критериям, хотя и совпадают с реституционными, однако применение реституции представляется невозможным ввиду серьезного нарушения баланса интересов субъектов оборота. Поэтому в целях ликвидации неосновательного обогащения возможно предъявление кондикционных требований к соответствующей стороне.

Несомненно, неосновательное обогащение может возникнуть не только вследствие приобретения имущества, переданного по недействительной сделке. Именно поэтому в кругу правоведов складывается точка зрения о соотношении реституции, кондикции и виндикации, согласно которой институт неосновательного обогащения является универсальным по своей сущности. Так, о неосновательном обогащении можно говорить, когда имеет место приобретение или сбережение имущества одним лицом за счет другого. Например, О. Н. Садиков считает: «Ранее действовавшее за-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 16 сентября 2014 г. № 310-ЭС14-79. – URL: www.vsf.ru

конодательство трактовало неосновательное обогащение как самостоятельное обязательство наряду с договорным, деликтным и виндикационным требованием. В силу положений статьи 1103 ГК РФ неосновательное обогащение приобрело характер общей защитной меры, которая может использоваться наряду с другими названными в статье 1103 требованиями. Такое решение расширяет сферу применения института неосновательного обогащения» [6. – С. 710].

Действительно положения статьи 1103 ГК РФ устанавливают субсидиарное применение к реституции, равно как и к виндикации, правил о кондикции. И уже данное положение исключает всякую конкуренцию кондикционных исков с другими требованиями, связанными с возвратом имущества. Более того, данная статья еще раз подтверждает самостоятельность института реституции.

После сравнения данных институтов нельзя отрицать тот факт, что законодатель действительно понимает реституцию как самостоятельный правовой институт, а не как частные случаи виндикации или кондикции.

В настоящее время подавляющее число авторов придерживаются той точки зрения, согласно которой реституция носит исключительно обязательственный характер. Д. О. Тузов, определяет правовую природу реституции в следующем: «реституция – обязательство, которое проявляется либо в виде кондикции, либо в виде виндикации. Однако есть и те, кто не рассматривает реституцию в качестве обязательства» [5. – С. 20].

Авторы данной работы также придерживаются точки зрения, согласно которой реституция носит обязательственный характер. Данную позицию подкрепляет и легальное определение обязательства, которое содержится в статье 307 ГК РФ. Изменения, внесенные в ГК РФ Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ также укрепили позицию об обязательственном характере реституции. Так, в подпункте 2 пункта 3 статьи 307.1 ГК РФ говорится, что общие положения об обязательствах субсидиарно применяются к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки. Также стоит отметить, что рассматриваемая позиция была поддержана судами и изложена в Постановлении Президиума

ВАС РФ, в котором в числе прочих обязательственных способов защиты прав векселедателя при отсутствии оснований для выдачи векселей, указана реституция¹. В данном постановлении правоприменитель разграничивает такие способы защиты права, как реституция и требование из неосновательного обогащения, что является еще одним подтверждением факта самостоятельности института реституции и его отличия от кондикционных требований.

Возвращаясь к вопросу о соотношении реституции с другими требованиями о защите гражданских прав, авторы данной работы в первую очередь обращают внимание на различие реституционного правоотношения, неосновательного обогащения и виндикации, которое заключается в том, что два последних вида предполагают одностороннюю правовую связь между должником и кредитором, где праву одной стороны корреспондирует обязанность другой, в то время как реституция (согласно нынешнему ее пониманию как в доктрине, так и на практике), является двусторонней, т. е. каждая из сторон должна вернуть все полученное по недействительной сделке. Именно такая двусторонность наталкивает на идею о встречном характере прав и обязанностей сторон, как в sinalлагме (п. 2 ст. 308 ГК РФ).

Данный вопрос не единожды поднимался на обсуждение, а его решение, по мнению многих авторов, позволит в полной мере обеспечить исполнение двусторонней реституции на этапе исполнительного производства. Применение статьи 328 ГК РФ к реституционным правоотношениям позволило бы решить множество проблем, связанных с полным или частичным неисполнением сторонами обязательств по возврату полученного по недействительной сделке.

Одним из противников данного подхода является Д. О. Тузов, который считает, что «реституционные права и обязанности сторон недействительной сделки не соответствуют такому признаку sinalлагмы, как взаимная обусловленность прав и обязанностей, их эквивалентность (хотя бы формальная)» [9. – С. 436]. Основной тезис, выдвигаемый ученым, можно сформулировать следующим образом: реституционные правоотношения устанавливаются в силу передачи имущества сторонами недействительной сделки (самостоятельные

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 сентября 2009 г № 5477/09 по

делу № А19-5536/08-10. Официальный сайт Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>

юридические факты), и, следовательно, такие отношения не связаны с взаимным договором, т. е. являются внедоговорными. Таким образом, по мнению Д. О. Тузова, в реституции отсутствует главный признак синаллагмы – встречный характер субъективных прав и обязанностей сторон. Такой же позиции придерживается К. И. Скловский [12. – С. 534].

Наверное, было бы ошибочно отождествлять реституционные и синаллагматические правоотношения. И в этой части мы согласны с подходом Д. О. Тузова, согласно которому двусторонняя реституция представляет собой два взаимно не обусловленных, самостоятельных обязательства, связь между которыми лишь внешняя, а не функциональная.

А. Г. Карапетов, соглашаясь с Д. О. Тузовым в части нетождественности синаллагматических и реституционных правоотношений, все же говорит о возможности применения пункта 2 статьи 328 ГК РФ по аналогии закона на стадии исполнительного производства. Принятие такого подхода, по мнению ученого, позволяет обеспечить подлинно двусторонний характер реституции [9. – С. 438]. Схожую позицию занимают А. В. Егоров [2] и др.

А. В. Егоров обращает внимание на необходимость обеспечения двустороннего характера реституции. Ученый считает это важным, поскольку в случае применения судом последствий недействительности сделок и назначения реституции имущества, полученного по такой сделке, будет несправедливо если одна сторона возвратит имущество на основании исполнительного листа, а у второй – попросту не окажется средств или имущества, которое она должна вернуть. Так, например, зачастую такие ситуации возникают в случае признания одной из сторон недействительной сделки банкротом. Поэтому законодателю следует ввести норму, которая прямо бы предусматривала необходимость обеспечения требований о двусторонней реституции со стороны государства. А. В. Егоров видит решение данного вопроса в наделении соответствующими полномочиями сотрудников службы судебных приставов: «необходимо вырабатывать правила исполнения указанных требований как встречных» [2. – С. 15].

Таким образом, нельзя отрицать квазисиналлагматический характер реституционных правоотношений

или по крайней мере возможность принятия такого подхода к пониманию сущности реституции. В данном ключе, по мнению авторов, следует совершенствовать закон об исполнительном производстве в части предоставления полномочий по исполнению реституционных требований только одному судебному приставу-исполнителю. Авторы данной статьи, соглашаясь с А. В. Егоровым, также считают важным законодательно ограничить предоставление исполнительных листов каждой из сторон [2. – С. 16].

Ответив на центральный вопрос, возможно ли существование взаимообусловленных обязательств сторон вне рамок договора, можно будет говорить о применимости статьи 328 ГК РФ к реституционным отношениям. Так, некоторые ученые считают, что к реституционным правоотношениям неприменимо право стороны отказаться от передачи полученного, так как такой отказ от исполнения тождественен отказу от договора, а реституция порождает внедоговорные обязательства. Однако приостановление встречного исполнения в контексте внедоговорных обязательств мыслимо, а «нормы статьи 328 ГК РФ о праве приостановить исполнение до момента исполнения встречного обязательства могут, видимо, также применяться и к двусторонней реституции по недействительному договору» [4. – С. 45].

Многие, несогласные с возможностью применения правил о синаллагме, в реституции приводят в пример Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации (далее – КГД ВС РФ) от 6 октября 2015 г. № 5-КГ15-124, в котором суд, отменяя решения нижестоящих судов, высказывается против возможности установления судами порядка исполнения реституционных обязательств: «суд не учел положения пункта 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые не предусматривают возможности определения очередности исполнения каждой из сторон недействительной сделки обязанности по возврату полученного имущества, а также включение в резолютивную часть решения суда, содержащую выводы суда о последствиях недействительности договора, условий применения реституции, наступление которых не зависит от воли лица, чье право нарушено оспоренной сделкой»¹.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 5-КГ15-124. – // URL: www.vsrif.ru

Казалось бы, данное решение полностью перечеркивает всякую возможность применения статьи 328 ГК РФ к реституции на этапе исполнительного производства. Однако в данном решении, скорее, говорится о невозможности установления порядка исполнения реституционных обязательств в конкретном деле, а не во всех ситуациях, связанных с возвратом полученного по недействительной сделке. Если проанализировать фактические обстоятельства данного дела, становится ясно, что принятое КГД ВС РФ определение справедливое и правильное, а нижестоящие суды действительно ошибались, когда устанавливали такой порядок исполнения реституционных обязательств сторонами недействительной сделки, на который потерпевшая сторона (истец) повлиять не может. То есть мы получаем ситуацию, когда стороны недействительной сделки, попросту не заинтересованы в исполнении обязательств, а потерпевшая сторона не может их как-то принудить к исполнению ввиду уже установленного судами порядка.

Таким образом, КГД ВС РФ пришла к правильному решению неправильным путем, включив в обоснование своей позиции аргумент, совершенно не выдерживающий критики: «положения пункта 2 статьи 167 ГК РФ не предусматривают возможности определения очередности исполнения каждой из сторон недействительной сделки обязанности по возврату полученного имущества». А как нами уже было установлено ранее, такая возможность предусмотрена связкой подпункта 2 пункта 3 статьи 307.1 ГК РФ и статьи 328 ГК РФ.

ВАС РФ в одном из своих постановлений высказывал точку зрения, согласно которой реституционные отношения носят синаллагматический характер.

Так, в пункте 29.5 данного постановления говорится: «Если недействительная сделка была исполнена обеими сторонами (как должником, так и контрагентом), то в случае, когда должник обязан в порядке реституции уплатить контрагенту деньги, а контрагент – вернуть должнику вещь, необходимо иметь в виду, что в связи со встречным характером обязательств сторон (ст. 328 ГК РФ) в таком случае применяются правила статьи 359 ГК РФ об удержании, а потому на основании статьи 360 ГК РФ требование контрагента включа-

ется в реестр как обеспеченное залогом и удовлетворяется в порядке статьи 138 Закона о банкротстве»¹.

Д. В. Дождев, занимая противоположную позицию, говорит следующее: «Против применения к реституции статьи 328 ГК и выведения из нее применимости статей 359–360 ГК говорят многие факторы: требования к удержанию, которые не обязательно удовлетворяются при реституционных отношениях, нерешенность в законе порядка реализации этого права в ситуации банкротства, сомнительность оснований для вещно-правовой трактовки права кредитора на удержание вещи должника» [1. – С. 5].

Авторы данной работы считают возможным, а главное – целесообразным, применение правил статьи 328 ГК РФ, а равно правил об удержании к реституционным отношениям на этапе исполнительного производства. При этом, во многом разделяя точки зрения А. Г. Карапетова, Р. С. Бевзенко, А. В. Егорова, авторы статьи считают, что именно суд полномочен устанавливать конкретный порядок исполнения реституционных обязанностей, обеспечивая тем самым подлинный двусторонний характер реституции. Такой подход позволит соблюдать интересы обеих сторон сделки, возвращая такие стороны в то положение, которое имело место до заключения и исполнения недействительной сделки. Например, суд вполне может указать следующий порядок (при применении последствий недействительности сделки купли-продажи): в первую очередь – списать с расчетного счета продавца полученные денежные средства и зачислить их на депозитный счет судебного пристава, после – забрать имущество у покупателя.

Вместе с тем в судебной практике могут возникать нестандартные споры по недействительным сделкам, требующие уникального решения. Именно поэтому авторы статьи предлагают следующие подходы:

1) если сторона недействительной сделки выступает в роли истца по соответствующему иску (основания ст. 168, 170 ГК РФ), то именно такая сторона должна первой исполнить обязательства по возврату полученного;

2) в случаях применения реституции в отношении сделок, в которых одна из сторон действует

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального

закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 30 июня 2013 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». – 2011. – № 3.

с корыстным умыслом, удовлетворяя свои интересы за счет ухудшения положения другой стороны (ст. 171–179 ГК РФ), справедливо будет, если именно такая сторона обязана будет первой осуществить предоставление;

3) когда установление условий применения реституции нарушает права потерпевшего от такой сделки лица, не являющегося стороной сделки, суд может назначить особый порядок истребования имущества у сторон сделки, приоритетно обеспечивающий защиту интересов потерпевшего лица.

Результаты проведенного исследования говорят о либерализации рассматриваемого института, а также позволяют утверждать следующее. Право суда, устанавливая конкретный порядок

исполнения судебного решения закреплено в статье 434 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и в статье 324 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. И хотя данные статьи прямо не предусматривают право суда устанавливать порядок исполнения судебного решения по собственной инициативе, нам видится, что в целях снижения нагрузки на судебную систему (ввиду недобросовестных действий сторон и искусственного затягивания процесса исполнения реституционных обязательств) судам следует руководствоваться предложенными выше подходами, изначально устанавливая в своих решениях наиболее справедливый и рациональный порядок исполнения реституции.

Список литературы

1. *Дождев Д. В.* Удержание, законное владение и проблема приоритета // Юрист. – 2014. – № 19.
2. *Егоров А. В.* Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 12. – С. 10–27.
3. *Карапетов А. Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
4. *Карапетов А. Г., Павлов А. А., Сарбаш С. В., Сулейманов Р. У.* Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 3.
5. *Комашко М. Н.* Реституция как способ защиты права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный). – 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. О. Н. Садиков. – М., 1998.
7. *Матвеев И. В.* Правовая природа недействительности сделок. – М., 2002.
8. *Осакве К.* Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика // Журнал российского права. – 2005. – № 7 (103). – С. 77–95.
9. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 ГК РФ / под ред. А. Г. Карапетова. – М. : Логос, 2018.
10. *Синицын С. А.* Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017.
11. *Скловский К. И.* Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 8. – С. 108–122.
12. *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2008.
13. *Тузов Д. О.* Реституция в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999.
14. *Хейфец Ф. С.* Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – 2-е изд., доп. – М. : Юрайт, 2000.

15. Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I. – S. 42, 2909; 2003 I. – S. 738), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 21. Dezember 2019 geändert worden ist. Buch 1, Allgemeiner Teil. – § 138 Sittenwidriges Rechtsgeschäft; Wucher. // Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. – URL: www.gesetze-im-internet.de.

16. Burgerlijk Wetboek. Boek 6. Algemeen gedeelte van het verbintenissenrecht. Titel 1. Verbintenissen in het algemeen. – Artikel 271. – URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0005289/2017-07-01>

17. Codice Civile Italiano (Regio Decreto 16 marzo 1942. – N. 262). Edizione: agosto 2019. – URL: <https://www.studiocataldi.it/codicecivile>.